

Александр Амфитеатров

Отравленная совесть

Роман

Александр Амфитеатров. Отравленная совесть
М., "Росмэн", 2002
[OCR Бычков М. Н.](#)

I

Людмиле Александровне Верховской исполнилось тридцать шесть лет. Восемнадцать лет, как она замужем. Обе ее дочери -- Лида и Леля -- погодки, учатся в солидной частной гимназии; Леля идет классом ниже старшей сестры. Сын Митя, классик, только что перешел в седьмой класс. Людмила Александровна слывет очень нежною матерью; а в особенности любит сына. Она сознается:

-- Пристрастна я к нему, сама знаю... но что же делать? Митя -- мой Вениамин.

В московском обществе, не в самом большом, но, что называется, порядочном: среди не вовсе еще оскуделого дворянства Собачьей площадки, Арбатских и Пречистенских переулков, среди гонящейся за ним и подражающей ему солидной буржуазии, -- опять-таки только солидной, старинной, а не с шальными миллионами, невесть откуда выросшими, чтобы вскоре и невесть куда исчезнуть, -- Людмила Александровна пользуется завидным почетом. Ее ставят в образец светской женщины хорошего тона. Злополучнейший из московских мужей, Яков Асафович, или, как любит он, чтобы его звали Иаков Иосифович Ратисов, всякий раз, когда переполняется чаша его супружеских горестей, колет своей дражайшей, но легкомысленной половине глаза примером Людмилы Александровны:

-- Олимпиада Алексеевна! побойтесь Бога! ведь у нас с вами -- не жизнь, а канареечное прыганье какое-то: с веточки на веточку, с жердочки на жердочку -- порх, порх!.. Я не говорю вам: откажитесь от общества, от удовольствий, забудьте свет, превратитесь в матрону, дома сидящую и шерсть прядущую. Сделайте одолжение: вертитесь в вашем обществе, сколько вам угодно, -- не препятствовал, не препятствую! и не могу, и не хочу препятствовать!.. Но всему же есть мера: даже птица, наконец, и та свое гнездо помнит. Вам же -- дом, дети, я, слуга ваш покорнейший, -- все трын-трава. Мы для вас -- точно за тридевять земель живем, в Полинезии какой-нибудь. Если у вас не сердце, а камень, если вам не жаль нас -- по крайней мере, посовеститесь людей!

-- Каких же людей? -- огрызнулась Олимпиада Алексеевна -- рыжеволосая, белотелая "король-баба", беспечности и беспутства которой не унимали ни порядочные уже годы, ни видное общественное положение мужа.

-- Да хоть падчерицы вашей, Людмилы Александровны Верховской. Уж кажется, никто не скажет, что не светская женщина. И живет не монахиней: всюду бывает, все видит, со всеми знакома. А при всем том посмотрите: в доме у нее порядок, в семье -- мир, тишина, согласие; муж -- не вдовец при живой жене, дети -- не сироты от живой матери...

-- Нашли кем попрекать! -- равнодушно возражала Олимпиада Алексеевна. -- Людмилу!.. Вы бы еще статую какую-нибудь мраморную припомнили... Людмил разве много на свете? Она у нас одна в империи. Я и то удивляюсь, что ее еще держат на свободе, а не заперли в музей под стекло, в поучение потомству... Знаете, как Кузьма Прутков говорил: "Друг мой, удивляйся, но не подражай!.." Людмила уже и в институте была "парфеткою".

-- Но ведь и вы же, сказывают, -- сколько это ни невероятно -- в институте были из парфеток? -- язвил Ратисов.

-- Была, да, слава Богу, вовремя опомнилась. А Милочка -- так в парфетках на всю жизнь и застряла...

Между тем Людмила Александровна была замужем за человеком и старше ее на целых двадцать лет, и далеко не блестящим ни по уму, ни по внешности. Только сердце для Степана Ильича Верховского Господь Бог выковал из червонного золота, да честен он был -- "возмутительно", как смеялись над ним